

БУЛГАКОВСКИЙ СЛЕД В БАЛТИИ 1920–1930-х ГОДОВ

И. З. Белобровцева

(Таллинн)

Настоящая статья посвящена восприятию имени и творчества Михаила Булгакова в 1920-е годы в Эстонии и – шире – в странах Балтии. Как представляется, на примере балтийского булгаковского следа можно сделать некоторые выводы об отношении русского населения этих стран к событиям и явлениям культуры, имевшим место в СССР.

Выбор рассматриваемого периода – 1927–1931 гг. – обусловлен тем, что именно тогда до Эстонии дошли пьесы Булгакова «Зойкина квартира» и «Дни Турбиных» (которые в местных газетах постоянно именовались «Белой гвардией»). В эти годы в Эстонии выходило ничтожное количество периодических изданий на русском языке¹, так, в Таллинне существовала всего одна ежедневная газета малого объема «Вести дня», на двух страницах которой главным образом сообщались новости и публиковалась реклама. Всю остальную информацию, как-то: статьи на актуальные политические темы, мнения, фельетоны, материалы, касавшиеся культурной жизни, русские жители Эстонии черпали из самого известного в те годы в странах Балтии органа печати – рижской газеты «Сегодня», приложением к которой выпускались и сами «Вести дня».

Если в «Вестях дня» и публиковались рецензии на спектакли и концерты, то они были предельно краткими – ««Белая гвардия» в Юрьеве», сообщавшая о постановке пьесы Булгакова местным деятелем культуры Дмитрием Шумаковым; «Дни Турбиных» (в исполнении Пражской группы Московского художественного театра в Ревеле); «Белая гвардия» (поставленная труппой рижской Русской драмы).

¹ Подробно об этом см.: Мейре 2022.

В последней рецензии, помимо краткого пересказа содержания и восторгов по поводу игры актеров, привлекает внимание конец:

Конечно, пьеса прошла с аншлагом. Подъем в зрительном зале выразился не только в бурных приветствиях по адресу исполнителей, но и, например, в восклицании, вырвавшемся у одной дамы, которая никак не могла согласиться с Алешей Турбиным, приглашавшим прекратить пение «Боже, царя храни», и требовала продолжения гимна².

Такая же краткая рецензия есть, например, на постановку труппой рижского театра «Зойкиной квартиры» в газете «Сегодня» (по случаю премьеры, состоявшейся в декабре 1927 года), а позже, в связи с гастролями в Таллинне, аналог этой рецензии публикуют «Вести дня», отмечая гастроли театра в Таллинне в апреле 1928 г.

Из целого ряда практически одинаковых рецензий выделяются две, посвященные гастролям Пражской группы МХТа в Нарве в 1931 году. Спектакль «Белая гвардия» вызвал у рецензентов прямо противоположные отклики. Первый, в газете «Русский Вестник», – патетически отрицательный: «Или мы подлинно глухая, темная провинция, или гг. предприниматели <...> угостили нас, нарвитян, <...> всем чем угодно, но только не “МХТ”»³. Второй отзыв, в той же газете, полемически заострен: «Да, пожалуй, мы действительно “глухая, темная провинция”, хочется ответить критику...», далее следуют восторги по адресу группы МХТа, творящей «великое русское и общенациональное дело, сохраняя и поддерживая традиции незабываемого МХТа»⁴.

Несмотря на полярность точек зрения рецензентов, оба отклика показательны, прежде всего, своей провинциальностью: читатель обеих рецензий не получает представления даже о названии рецензируемого спектакля (первая статья озаглавлена «Белая гвардия»; во втором случае спектакль назван «Дни Турбиных»);

² [Б. п.] «Белая гвардия». – Вести дня. 1928. № 101. 18 апреля. С. 2.

³ П. А. «Белая гвардия». – Русский вестник. 1931. № 35. 24 июня. С. 2.

⁴ В. Г. «Дни Турбиных». Впечатления по поводу гастролей Московского Художественного театра. – Русский вестник. 1931. № 39. 5 июля. С. 2.

не менее симптоматично, что ни в первом, ни во втором случае не указан автор пьесы. В пандан к этому курьезу можно вспомнить, как в письме П. С. Попову Булгаков высказался о поздравлении, которое прислал Московскому Художественному театру один из его директоров, В. И. Немирович-Данченко в связи с 500-м спектаклем «Дней Турбиных»:

И Немирович прислал поздравление Театру. Повертев его в руках, я убедился, что там нет ни одной буквы, которая бы относилась к автору. Полагаю, что хороший тон требует того, чтобы автора не упоминать. Раньше этого не знал, но я, очевидно, недостаточно светский человек (Булгаков 1990, 5: 512).

Естественным для периодики стран Балтии было стремление поддерживать связи с авторами из других стран русского рассеяния. В случае с Булгаковым это сказалось, например, в публикации рижской газетой «Сегодня» в декабре 1929 г. письма из Белграда «Суд над пьесой “Дни Турбиных”». По утверждению автора газетного материала, булгаковская пьеса взволновала и расколола местное русское сообщество. И, если в СССР она слыла почти или безусловно контрреволюционной⁵, то в Белграде спорили «о допустимости постановки ее перед белогвардейской публикой и о допустимости появления такой “нелестной для белой гвардии” пьесы на сцене сербского театра»⁶.

По решению Белградского союза журналистов и писателей в университете было организовано публичное чтение пьесы и литературный суд над ней. Обвинители «признали пьесу нехудожественную, исторически неверную, для белогвардейских душ

⁵ См., например: «Драматически пьеса слаба. Идеологически режет слух своей белой тенденциозностью» (О. Литовский. На неверном пути; цит. по: Яновская 2013: 182); пьеса и спектакль – «политическая демонстрация, в которой Булгаков перемигивается с остатками белогвардейщины» (А. Орлинский. Выступление на «Суде над “Белой гвардией”»; цит. по: Смелянский 1986: 130); «...вся галерея Турбиных и турбинствующих, а с ней и весь спектакль предстали бы совершенно иными при другой идеологической установке» (Бескин 1926: 7) и др.

⁶ Месснер Е. Э. Суд над пьесой «Дни Турбиных» (Письмо из Белграда). – Сегодня. 1929. № 71. 12 марта. С. 8.

неприемлемою». Защитники, среди которых был и автор статьи, полковник Генштаба Русской императорской армии Евгений Эдуардович Месснер, признали пьесу «весьма художественною и сценичною»; сам Месснер «доказывал, что пьеса в историческом отношении правдива и верна», поскольку «с этой пьесой донесся голос подсоветской Руси, которая эмигрантам близка идейно. <...> Никакого вердикта на суде вынесено, конечно, не было», но «для многих пьеса Булгакова перестала быть одиозной, и многие увидели в ней начало будущей не партийной, не ходульной, а чисто художественной литературы об эпических событиях бело-красной борьбы»⁷.

И все же, даже учитывая предсказуемо провинциальные черты балтийской периодики, можно выделить несколько случаев, характерных для изданий, выходящих за пределами России и оппозиционных по отношению к ней. Приведем два подобных случая, связанных с жизнью и творчеством М. А. Булгакова и в то же время наглядно демонстрирующих особые условия, в каких существовали русские органы печати за рубежом.

Случай первый: 26 августа 1927 г. в газете «Сегодня» появляется анонимная (а значит, осознаваемая как редакционная) статья «“Белая Гвардия” вырвалась из СССР», где рассказана история, «какую разыграли большевики с пьесой Мих. Булгакова»⁸. Не преминув напомнить, что «в свое время» история эта была частично рассказана на столбцах «Сегодня», в газете с большим количеством неточностей (или умолчаний – например, не приводится название журнала, в котором публиковался роман «Белая гвардия») дается намек на то, что журнал, собственно, и закрылся частично из-за этого романа; говорится, что вначале Булгаков переделал свой роман в пьесу, а уже потом «за нее ухватился МХТ» (хотя известно, что желания автора и театра совпали: Булгаков задумал инсценировать роман в январе 1925 г., а режиссер МХТа Борис Вершилов, не зная этого, предложил написать инсценировку 3 апреля того же года (см.: Соколов 2007: 287) и т. д.

⁷ Там же.

⁸ [Б. п.] «Белая гвардия» вырвалась из СССР. – Сегодня. 1927. № 190. 26 августа. С. 3.

Но главное в статье – это сообщение о том, каким именно образом пьеса «вырвалась» за пределы СССР: стенографистка посидела на нескольких представлениях «Дней Турбиных» и небольшими отрывками постепенно записала пьесу. «А провезти записанную таким образом пьесу в Берлин было и совсем легко...»⁹. Именно оттуда, из Берлина, пьеса якобы пришла воздушной почтой в редакцию с условием (вызывающим вопросы) – опубликовать не больше одного акта. Газета обещает, что через два дня в «Сегодня» будет напечатан третий акт «Дней Турбиных». Редакция слово сдержала, и 28 августа третий акт пьесы был опубликован.

Сюжет, выстроенный по формуле авантюрного романа – подробное объяснение того, как именно пьеса попала в руки сотрудников газеты «Сегодня», – наводит на размышления. Он тем более интересен, что Булгаков сам использует аналог этого сюжета в романизированной биографии «Жизнь господина де Мольера»:

По прошествии нескольких спектаклей Мольер нашел у себя письмо. Некто Неф-Вильнен писал Мольеру о том, что, посмотрев его комедию «Мнимый рогоносец», он нашел ее столь прекрасной, что одного раза ему показалось мало, и он был на ней шесть раз. Такое начало письма вызвало краску удовольствия на щеках Мольера, начинавшего в последнее время с удивлением замечать, что слава выглядит совсем не так, как некоторые ее представляют, а выражается, преимущественно, в безудержной ругани на всех перекрестках. <...> Далее выяснилось, что Неф-Вильнен обладает поистине феноменальной памятью: в шесть приемов он всю комедию до единого слова записал. В этом месте господин Мольер насторожился, и недаром, потому что господин Неф-Вильнен сообщал, что к каждой сцене «Рогоносца» он сочинил свои собственные комментарии. И с этими комментариями он пьесу направляет в печать, потому что, писал господин Неф-Вильнен: «...это совершенно необходимо для вашей и моей славы!» <...> Словом, господин Неф-Вильнен отдает пьесу издателю Жаку Рибу, что на набережной Августинцев. <...>

⁹ Там же.

Вышедшая с комментариями Неф-Вильнена пьеса, прежде всего, дала некоторым остроумным людям повод высказать предположение, что никакого Неф-Вильнена нет и не было на свете, а что это выдуманное имя послужило прикрытием самому господину Мольеру, чтобы выпустить пьесу! Такое предположение следует отнести к числу неосновательных предположений (Булгаков 1990, 4: 309–310).

Нарратив «развязного молодого человека» был мгновенно разгадан бдительным редактором серии «Жизнь замечательных людей» А. Н. Тихоновым, отвергнувшим рукопись: «за замечаниями рассказчика прозрачно проступает “наша советская действительность”» (Ерыкалова, Жирмунская 1990, 4: 632). Ту же «прозрачность» легко уловить и в сюжете, представленном газетой «Сегодня».

Процитируем предваряющее интригу со стенографисткой утверждение газеты о том, какие детали следует учитывать, говоря о спектаклях по пьесе Булгакова в МХТ: по распоряжению А. В. Луначарского «Дни Турбиных» запрещено было играть на утренних спектаклях и в праздничные дни; назначены были очень высокие цены на билеты; количество спектаклей в месяц ограничивалось, «чтобы пьесу могли смотреть только неуязвимые коммунистические верхи и неисправимые, в силу необходимости до поры, до времени терпимые, остатки буржуазии – спецы и нэпманы»¹⁰. «Поэтому на каждое представление билеты задолго бывают распроданы»¹¹. Все перечисленные меры, преграждавшие путь на спектакль рядовому зрителю, вызывают вопрос: к какому именно разряду относилась таинственная стенографистка? Она не спец и не нэпман, но и не представитель коммунистических верхов. Билеты по очень высоким ценам распроданы «задолго» до спектакля, что, однако, не воспрепятствовало ей посетить несколько спектаклей (сколько, если она записывает текст «небольшими отрывками»?). Вопросы

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

накапливаются, как только выясняется, что этой стенографистке еще проще, чем записать пьесу, отправить ее текст в Берлин.

И, наконец, еще один вопрос: а к чему все это знать читателю газеты «Сегодня»? Для читателя рядового, очевидно, главное – что текст доставлен в Ригу. Но у газеты «Сегодня», как у любого эмигрантского органа печати, была и специфическая категория читателей – те, кто, изучая это периодическое издание, искали в ней антисоветскую подоплеку, в данном случае – связи людей из окружения Булгакова, а то и его собственные, с выходящей в буржуазной, как тогда принято было говорить, Латвии и, следовательно, автоматически воспринимавшейся антисоветской газетой (достаточно вспомнить трагические судьбы газеты и ее сотрудников после установления в Латвии советской власти в 1940 году).

Между тем в Риге жили родители Ольги Сергеевны Бокшанской (и ее сестры, будущей жены М. А. Булгакова Елены Сергеевны Булгаковой, с которой писатель в это время еще не был знаком). Ольга Сергеевна Бокшанская – секретарь В. И. Немировича-Данченко. И проще всего предположить, что доступный ей как сотруднику МХТа текст она вполне могла привезти в Ригу, навещая родителей, тем более что в Государственном архиве Латвийской Республики хранится прошение Сергея Марковича Нюренберга от 1 июня 1927 года, адресованное Министерству внутренних дел, на выдачу трехмесячной визы его дочери – Ольге Бокшанской, секретарю МХТа. Цель визита обозначена как необходимость навестить родителей и «в целях летнего оздоровления». К прошению приложены справки о благонадежности Ольги Бокшанской, так что разрешение МВД Латвийской Республики на ее приезд было получено быстро, уже 11 июня 1927 года¹². И, если учесть, что пьеса появилась в Риге не позднее конца августа, то наше предположение не столь уж безосновательно.

Однако даже если текст предоставила не Бокшанская, тем не менее, стремление редакции газеты «Сегодня» отвести подозрение

¹² LVVA. 3234. f. – 5. apr. – 1818. (Государственный исторический архив Латвии. Ф. 3234. Оп. 5. Ед. хр. 1818. Л. 1–5.) Пользуюсь возможностью выразить свою благодарность Борису Равдину, взявшему на себя труд этой проверки.

и не причинить никаких неприятностей истинному курьеру, доставившему текст «Дней Турбиных» в Ригу, несомненно.

Второй нуждающийся в объяснении случай датируется 14 сентября 1928 г. и вновь связан с сообщением в газете «Сегодня», на этот раз с краткой заметкой «Загадочное исчезновение М. Булгакова»:

В московских литературных кругах вызывает много тревоги таинственное исчезновение известного писателя М. Булгакова, автора пьесы «Дни Турбиных», романа «Белая гвардия» и др. Как хорошо памятно, «Дни Турбиных» имели настолько длительный и большой успех на сцене МХТ, что даже советская власть, запретившая постановку этой пьесы ввиду ее контрреволюционности, не решилась снять ее с подмостков Художественного Театра. В настоящее время, как сообщает «Руль», необъяснимое исчезновение Булгакова вызывает среди его друзей различные тревожные догадки¹³.

Ссылка на берлинскую газету «Руль» диктует необходимость обратиться к первоисточнику информации, где опубликовано следующее:

Куда исчез Булгаков?

Много тревоги вызывает в московских литературных кругах исчезновение известного писателя М. Булгакова, автора романа «Белая гвардия» и пьесы «Дни Турбиных». Как хорошо памятно, «Дни Турбиных» имели настолько большой и длительный успех на сцене М. Х. Т., что даже советская власть, запретившая постановку этой пьесы в других городах ввиду ее «контрреволюционности», не решилась снять ее с подмостков Художественного Театра. В настоящее время необъяснимое исчезновение Булгакова вызывает среди его друзей различные тревожные догадки.

Не могут ли органы советской власти сообщить, где находится М. Булгаков?¹⁴

¹³ [Б. п.] Загадочное исчезновение М. Булгакова. – Сегодня. 1928. № 249. 14 сентября. С. 4.

¹⁴ [Б. п.] Куда исчез Булгаков? – Руль. 1928. № 2371. 13 сентября. С. 1.

Как видим, «Сегодня» публикует заметку «Руля» в почти не измененном виде, лишь переставляя кое-где слова. Тем нагляднее выявляется одно отличие: утрата в рижской газете последней строки берлинской заметки.

Любопытно, что слух об исчезновении Булгакова рижская газета подхватывает мгновенно, опередив даже парижское «Возрождение», где заметка увеличивается в объеме примерно втрое, причем следует особо отметить, что увеличение связано прежде всего именно с последней строкой в берлинском «Руле»:

Пропал популярный писатель М. Булгаков, автор нашумевшей пьесы «Дни Турбиных».

Много тревоги, пишет «Руль», вызывает в московских литературных кругах исчезновение известного писателя М. Булгакова, автора романа «Белая Гвардия» и пьесы «Дни Турбиных». Как хорошо памятно, «Дни Турбиных» имели настолько большой и длительный успех на сцене М.Х.Т., что даже советская власть, запретившая постановку этой пьесы в других городах, ввиду ее «контрреволюционности», не решилась снять ее с подмостков Художественного Театра. В настоящее время необъяснимое исчезновение Булгакова вызывает среди его друзей различные тревожные догадки.

Не могут ли органы советской власти сообщить, где находится М. Булгаков?

Когда в «социалистическом» отечестве *пропадает* человек, взоры всех невольно обращаются в сторону ГПУ и на устах общества замирает вопрос:

– Что вы можете сказать в свое оправдание, гг. убийцы?

Сейчас, конечно, еще преждевременно гадать о судьбе талантливого писателя Булгакова: может быть, он еще отыщется. Но то обстоятельство, что он писал «почти в контрреволюционном духе» и что роман и пьеса его были признаны «нежелательными», заставляет поневоле сжиматься сердце и перебирать в памяти литературные «прецеденты».

– Виктор Севский был расстрелян.

– Гумилев расстрелян.

- Меньшиков расстрелян.
- Савинков выброшен с пятого этажа.

* * *

«Юманитэ» все уверяет своих читателей, что
«Франция стоит во главе антисоветского крестового похода».
У страха глаза велики...¹⁵

Если в первой части статьи «Возрождение» практически цитирует «Руль», хотя и добавляет первую строку с ударным словом «пропал», куда более драматичным, чем полуабстрактное «исчезновение», то далее парижская газета напрямую обвиняет ГПУ и СССР, называя их господами убийцами. Оговорка – еще преждевременно гадать о судьбе Булгакова, может быть, он еще отыщется – и воспринимается, скорее, как оговорка, сопровождаемая перечислением четырех насильственных смертей русских литераторов, занимавших антисоветские позиции.

Почему же «Возрождение» позволяет себе атаковать не только ГПУ, но и французскую коммунистическую газету «Юманите», а газета «Сегодня», напротив, убирает из заметки в «Руле» строку с вопросом к советским органам власти о местонахождении Булгакова? Дело, разумеется, в геополитических особенностях Балтийских стран, которые, осознавая всю опасность соседства с СССР, в лице своих властей неизменно призывали средства массовой информации проявлять в своих материалах сдержанность, публиковать только взвешенные мнения, никоим образом не провоцировать СССР, не подавать даже повода для обиды. В противном случае газетам угрожали административными мерами вплоть до закрытия. Это в первую очередь касалось русскоязычной периодики, за которой зорко следили и советские посольства, и компетентные советские органы. «Причинение ущерба добрососедским отношениям» не было, конечно, официально обозначено в Законе о печати, но редакторы газет легко дешифровали соответствующие

¹⁵ [Б. п.] Печать. – Возрождение. 1928. № 1202. 16 сентября. С. 3.

разделы его параграфа 16, запрещавшего публиковать в периодических изданиях как относящиеся именно к СССР

4) письменные тексты или изображения, которые могут задеть общественную безопасность или нанести ущерб государственной обороне; <...> 8) сообщения, письменные тексты или изображения, которые могут подрывать внешнеполитические отношения государства¹⁶ (Trükiseadus 1938: 1438).

Но вернемся к заметке об исчезновении Булгакова. В самом начале 1920-х гг. подобные материалы не были редкостью – так, ежемесячный журнал «Новая русская книга», издававшийся в Берлине в 1921–1923 гг., ставил целью соединять разлученные войной семьи и друзей, писать о судьбах тех, кто остался в России. В те смутные времена ошибочные сведения о расстрелах, смертях, высылках и т. п. не были редкостью, к примеру, в 1920 году в газете «Воля России» друг Юрия Слезкина Александр Дроздов написал ему подробный некролог, между тем объект некролога продолжал жить и работать во Владикавказе¹⁷ (см.: Дроздов 1920: 3). Что же могло дать основания для газетной заметки об исчезновении Булгакова в сентябре 1928 года?

Из хроники жизни писателя известно, что весной и летом Булгаков много ездил – на Кавказ (Тифлис, Батум, Зеленый Мыс, Владикавказ, Гудермес), в Ленинград, Киев и Одессу. 24 августа 1928 г. он заключил договор с Киевским Русским театром на постановку пьесы «Бег» (и разрешение постановки «Бега» на первой неделе октября, и ее запрещение на неделе 18–23 октября того же года еще впереди).

На первый взгляд, благополучно складывается у Булгакова и сентябрь 1928 года: в МХТе играют 200-й спектакль «Дней Турбиных», Главрепертком выдает (ненадолго) разрешение на постановку пьесы «Багровый остров». В письме П. С. Попову от 1 сентября 1928 г. Н. Н. Лямин отмечает: «Мих<аил> Аф<анасьевич>

¹⁶ См. оригинал: „4) kirjutisi või kujutisi, mis võivad riivata avalikku julgeolekut või rikkuda riigikaitse huve; <...> 8) teateid, kirjeldusi või kujutisi, mis võivad rikkuda riigi välispoliitilisi suhteid“ (Trükiseadus 1938: 1438).

¹⁷ См.: Дроздов А. Памяти друга: Некролог. – Воля России. 1920. № 158. 18 июля. С. 3.

в Москве в хорошем настроении, ибо имеются основательные данные, что “Бег” разрешен» (цит. по: Чудакова 1988: 382).

Как представляется, опорной датой в интерпретации «исчезновения» можно считать письмо Булгакова Евгению Замятину от 27 сентября 1928 г., то есть ровно через две недели после публикации «Руля». Это его запоздалый ответ на письмо Замятина от 15 сентября, где тот напоминает другу об обещании дать в альманах Драмсоюза статью под названием «Премьера». После этого Булгаков, по его собственным словам, за две недели дополнил семь уже написанных страниц статьи еще тринадцатью и –

все 30 убористых страниц, выправив предварительно на них ошибки, вчера спалил в той печке, возле которой вы не раз сидели у меня. И хорошо, что вовремя опомнился. При живых людях, окружающих меня, о направлении в печать этого опуса речи быть не может (Булгаков 1990, 5: 428).

Он просит у Замятина прощения за то, что не выполнил обещания, и добавляет: «Не будет “Премьеры”! Вообще упражнения в области изящной словесности, по-видимому, закончились. <...> Человек разрушен» (Там же).

Чем можно объяснить подобное отчаяние Булгакова в сентябре 1928 года? Многочисленные, уже ставшие для писателя рутинными, запреты и отказы (отказ в разрешении на выезд за границу; запрет Главреперткомом «Бега» 9 мая; снятие с подмостков Театра им. Евгения Вахтангова «Зойкиной квартиры», о чем сообщала 9 июня «Вечерняя Москва»; следует уточнить, что об утверждении решения о запрете «Бега» сообщили 30 июня «Известия», дополнив эту информацию «перспективой»: спектакль «Дни Турбиных» остается в репертуаре МХТа «до осуществления “первой новой пьесы”» (Чудакова 1988: 291), и подразумевалось, конечно, что автором этой новой пьесы уже наверное будет не Булгаков) произошли раньше.

С большой долей вероятности причиной заметки в «Руле» можно считать статью Ивана Дорошева «За четкую классовую линию на фронте культуры», опубликованную в газете «Известия» 3 сентября 1928 г.

Булгаков густо отчеркнул абзац, имевший к нему непосредственное отношение: «Не случайно также и развитие театра приобрело в последнее время более конфликтную форму. “Булгаковщина” – нарицательное выражение буржуазного демократизма, сменовеховства в театральном творчестве – составляет ту классовую атмосферу, в которой сейчас предпочитает жить и дышать буржуазный интеллигент в советском театре» (Нинов 1990: 16).

Дальнейшая история с запрещением пьесы «Бег» (и других пьес Булгакова) подтвердила и вывод автора статьи, и правоту горького признания драматурга в письме Замятину. И хотя на этот раз «Руль» и следовавшие за ним газеты ошиблись, «исчезновение» Булгакова вполне можно рассматривать как реализацию метафоры – по сути, неразрывно связанными с политической волей официальными инстанциями всех уровней в области руководства искусством сделано было все, чтобы из советского театрального процесса Михаил Булгаков исчез навсегда.

Это и объясняет, почему творчество Михаила Булгакова в странах Балтии воспринималось как явление, прежде всего, политическое, олицетворявшее противостояние советскому режиму.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бескин Э. 1926. «Кремовые шторы». – Жизнь искусства. № 41. С. 7.
- Булгаков М. А. 1990. Собр. соч.: В 5-ти тт. М.: «Художественная литература».
- Ерыкалова И. Е., Жирмунская Н. А. 1990. Комментарии [к роману «Жизнь господина де Мольера»]. – Булгаков М. А. Собр. соч.: В 5-ти тт. Т. 4. М.: «Художественная литература». С. 631–661.
- Меймре А. 2022. Лики периодики. Кн. 1: Десятилетие «междоусобных войн»: К истории русской периодической печати Эстонии 1917–1927 годов. Таллинн: Авенариус.
- Нинов А. А. 1990. Михаил Булгаков и театральное движение 1920-х годов. – Булгаков М. А. Пьесы 1920-х годов. Л. «Искусство». Ленинградское отделение. С. 4–32.
- Смелянский А. М. 1986. Михаил Булгаков в Художественном театре. М.: «Искусство».

- Соколов Б. В. 2007. Булгаков: Энциклопедия. Персонажи, прототипы, произведения, друзья и враги, семья. М.: ЭКСМО.
- Чудакова М. О. 1988. Жизнеописание Михаила Булгакова. М.: «Книга».
- Яновская Л. М. 2013. Последняя книга, или Треугольник Воланда: С отступлениями, сокращениями и дополнениями. Москва: ПРОЗАиК.
- Trükiseadus 1938. – Riigi Teataja. Nr. 42. 26. aprill. Lk. 1436–1442.

REFERENCES

- Beskin, E. “Kremovye shtory.” *Zhizn' iskusstva* 41 (1926): 7.
- Bulgakov, M. A. *Sobranie sochinenii*. 5 vols. Moscow: “Khudozhestvennaia literatura,” 1990.
- Chudakova, M. O. *Zhizneopisanie Mikhaila Bulgakova*. Moscow: “Kniga,” 1988.
- Erykalova, I. E. and N. A. Zhirmunskaiia. “Kommentarii [k romanu ‘Zhizn' gospodina de Mol'era’].” In *Sobranie sochinenii* by M. A. Bulgakov. 5 vols. Vol. 4, 631–61. Moscow: “Khudozhestvennaia literatura,” 1990.
- Ianovskaia, L. M. *Posledniaia kniga, ili Treugol'nik Volanda: S otstupleniiami, sokrashcheniiami i dopolneniiami*. Moscow: PROZAiK, 2013.
- Meimre, A. *Liki periodiki*. Vol. 1, *Desiatiletie “mezhdousobnykh vojn”’: K istorii russkoi periodicheskoi pechati Estonii 1917–1927 godov*. Tallinn: Avenarius, 2022.
- Ninov, A. A. “Mikhail Bulgakov i teatral'noe dvizhenie 1920-kh godov.” In *P'esy 1920-kh godov* by M. A. Bulgakov, 4–32. Leningrad: “Iskusstvo.” Leningradskoe otdelenie, 1990.
- Smelianskii, A. M. *Mikhail Bulgakov v Khudozhestvennom teatre*. Moscow: “Iskusstvo,” 1986.
- Sokolov, B. V. *Bulgakov: Entsiklopediia. Personazhi, prototipy, proizvedeniia, druž'ia i vragi, sem'ia*. Moscow: EKSMO, 2007.
- “Trükiseadus.” *Riigi Teataja* 42 (April 26, 1938): 1436–442.